

Владислав Романский

ПЕРСТЕНЬ С ТРЕМЯ
ЛИЛИЯМИ

18+

Владислав Романский

Перстень с тремя лилиями

<https://litres.ru/74137489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Франция, 1355 год. Столетняя война.

Алиеноре всего пятнадцать, но она уже госпожа замка Роше-сюр-Вьенн и жена старого рыцаря. Долг и честь заставляют её мужа Раймона идти на войну. Она остаётся одна среди серых стен, пустых коридоров и холодных камней.

Однажды она встречает взгляд светловолосого конюха. Это был миг, который перевернул всё. Между ними пропасть: она госпожа, он никто. Между Алиенорой и её мужем — война, долг и честь.

Сможет ли Алиенора выжить в мире, полном тайн, интриг и светских игр?

«Перстень с тремя лилиями» — история о любви, которая не должна была родиться и о цене, которую придётся заплатить.

Содержание

Глава 1. Взгляд, который нельзя забыть.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Владислав Романский

Перстень с тремя лилиями

Глава 1. Взгляд, который нельзя забыть.

Алиенора проснулась от холода, который пробрался под одеяло и сжал её за плечо. Она села, подтянув колени к груди, и на секунду позволила себе маленькую слабость — побыть просто девочкой, которой страшно. Мысль, что она теперь госпожа, заставила её собраться, потому что господам не положено дрожать.

Алиенора опустила ноги на холодный каменный пол и направилась к окну. Она всё ещё не привыкла к этой комнате. Из окна ей открылся вид на серые стены замка и простирающиеся за горизонт опустевшие поля. Молодая госпожа не любила серый, она считала его цветом усталости и уныния. Цвет десятилетия после битвы при Креси, когда все уже перестали спрашивать «когда это закончится» и начали спрашивать «сколько ещё мы протянем».

Фамильный замок мужа был меньше отцовского втрое и казался ей чужим даже спустя три месяца после свадьбы. Три месяца — достаточный срок, чтобы перестать быть гостьей,

но недостаточный, чтобы почувствовать себя дома.

В её покои коротко постучали. Госпожа догадывалась, что стучавший принесёт дурные вести, но её будто не хотят пугать раньше времени.

— Войдите, — сказала Алиенора, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Дверь тихонько отворилась, и на пороге стояла её горничная, которую она привезла с собой из отцовского дома. Лицо у Элизабет было бледным, руки теребили край фартука.

— Госпожа, — тихо сказала служанка, — мессир Раймон собирает людей. Говорят, пришёл гонец от короля. Эдуард Чёрный Принц высадился на континенте.

Сердце Алиеноры пропустило удар, но она не позволила себе замешкаться.

— Подай платье, — приказала она. — И скажи, чтобы мне принесли горячей воды. Я спущусь через четверть часа.

Элизабет кивнула и исчезла, а Алиенора осталась стоять у окна, глядя на двор, который уже наполнялся суетой.

Она знала, что это рано или поздно случится. Война не кончилась в Креси — она просто затаилась, как зверь в норе, и ждала, когда можно будет снова выйти на охоту. И вот теперь Чёрный Принц снова ступил на французскую землю. Пока он только высадился и собирал силы, но все знали, что это лишь затишье перед бурей. Поэтому король Франции Филипп VI призвал своих вассалов. В том числе и её мужа.

Алиеноре было шестнадцать. Она была самой младшей из

пяти дочерей барона де Монфор, и к тому моменту, когда настала её очередь выходить замуж, приданое уже было основательно растрачено на старших сестёр. Отец, старый друг Раймона, предложил его кандидатуру — не потому, что хотел породниться с богатым домом, а потому, что знал: Раймон человек честный и не оставит его дочь без защиты. Замок был небольшим, земли — скудными, но Алиенора понимала, что могло быть хуже. Её могли выдать за старого вдовца с дюжиной детей или отправить в монастырь. Вместо этого она получила мужа, который смотрел на неё не как на обузу, а как на человека. Правда, смотрел он на неё редко. Раймон был занят делами поместья, долгами, которые тянулись ещё с отцовских времён, и мыслями о том, как удержать то, что почти рассыпалось в руках. Между ними не было ни любви, ни страсти. Алиенора знала, что он не унижит её, не поднимет руку. И в их времена это было больше, чем многие могли обещать.

Но теперь он уезжал. И она оставалась одна.

Раймон появился во дворе, когда Алиенора спустилась. Он уже был в доспехах, поверх которых накинута поношенный плащ с выцветшим гербом — единственное, что осталось от богатства его отца. Даже в этой спешке рыцарь двигался так, будто каждый шаг причинял ему боль. Раймону было уже за сорок — возраст, который в их краю считали почти закатом жизни, особенно для рыцаря. За его плечами были десятки битв, сотни вёрст по грязи и пыли, и столько

потерь, что он давно перестал считать.

Каждый раз, когда Раймон надевал доспехи, он слышал этот звук — скрежет стали, запах пота и крови, который въелся в металл так глубоко, что никакая чистка не могла его вытравить. И каждый раз он вспоминал Креси.

Раймону было тогда тридцать два. Он был молод, силён и верил, что воинская честь — это не просто слова. Но в тот день он понял, что честь умирает первой. Утро того дня началось с дождя. Земля превратилась в месиво, и копыта вязли в ней, как в болоте. Раймон помнил, как стоял в строю, сильно сжимая поводья. Генуэзские арбалетчики шли впереди — наёмники, которых французские рыцари презирали, но без которых не могли обойтись. Они шли под градом английских стрел, и Раймон видел, как они падают сотнями, как скошенная трава. А потом он услышал, как граф Алансонский, брат короля Франции Филиппа VI, возмущённый поведением генуэзских арбалетчиков, крикнул: «Топчи эту мразь!! Она мешает нашей атаке!»

Раймон натянул поводья, заставляя коня идти вперёд, и копыта его лошади втапывали в грязь тела тех, кто ещё минуту назад сражался рядом. Крики смешивались с рёвом труб. Кто-то молился, кто-то проклинал, кто-то просто орал от боли и страха. Раймон не слышал никого — только стук собственного сердца, которое колотилось где-то в горле.

Рыцари разворачивались. И снова шли в атаку. И снова разворачивались. Град английских стрел был таким плот-

ным, что небо исчезло — вместо него была сплошная стена железа и дерева, которая падала на них, не давая дышать. Раймон видел, как падают товарищи, как лошади валяются на бок, увлекая за собой всадников. Он слышал хруст костей, когда копыта чужих коней наступали на упавших. Воздух пропах кровью, смешанной с запахом мокрой земли.

Англичане напирали, и французское войско таяло, как снег под солнцем. Раймон не помнил, как выжил. Помнил только, что, когда атака захлебнулась и французы отступили, он оказался рядом с королём Филиппом. Король был бледен, его доспехи покрыты грязью, и он тяжело дышал, опираясь на плечо одного из приближённых.

Когда они достигли небольшого замка. Ворота были закрыты. Кто-то крикнул:

— Отворите!

Тишина. Только стук копыт и стоны раненых.

Король поднял голову. Его голос, срывающийся от усталости, разнёсся над толпой:

— Отворите! Это несчастный король Франции!

Раймон никогда не забывал этих слов. В тот момент он увидел, как рушится всё, во что он верил. Как честь превращается в грязь, а слава — в пустые слова. Он видел лица своих товарищей — такие же серые и потерянные как его собственное. И в каждом из них была одна и та же мысль: «Зачем мы здесь? Ради чего всё это?»

В тот мрачный день почти весь свет французской нации

сложил головы при Креси. Пятнадцать тысяч человек, из которых одиннадцать принцев и даже король Богемии.

Раймон унёс с собой из Креси не только стрелу в левом плече, которая до сих пор давала о себе знать в сырую погоду. Он унёс с собой эту пустоту. Эту тишину внутри, которую никак не мог заполнить. Он стал жёстче, суше, молчаливее. И он больше никогда не говорил о войне, как не говорят о болезни, от которой так и не выздоровели.

Сейчас он стоял перед Алиенорой — не как муж, а как человек, которому снова приходилось уходить. Его чёрная, тронутая сединой борода была аккуратно подстрижена, волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб, пересечённый старым шрамом — память о какой-то давней стычке, которую он сам уже не вспоминал. На лице было ещё несколько отметин: тонкая линия у виска, грубый рубец на щеке — следы, которые не прятали, но и не выставляли напоказ. Несмотря на крепкое тело, Раймон уже не был молод. В его движениях чувствовалась скованность, будто доспехи стали тяжелее. Он носил свои раны не как трофеи, а как долг, который всё никак не удавалось выплатить.

Он не был знатным бароном или богатым сеньором. Замок, доставшийся ему после смерти отца, был скорее укреплённым домом: каменные стены, донжон, узкие бойницы и больше долгов, чем дохода. Поместье кормило едва-едва: поля были скудными, крестьяне уходили кто на войну, кто на чужбину. Раймон держался из последних сил — и держался

лишь потому, что не умел сдаваться.

— Ты уже знаешь? — спросил он тихо.

— Чёрный Принц высадился на континенте, — кивнула Алиенора. — Говорят, он на юге.

Раймон безрадостно усмехнулся.

— Он только высадился, но скоро пойдёт по землям Франции. Король собирает знамёна. Я должен быть с моим сюзереном.

— Я знаю, — сказала Алиенора. Её голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Ты ведь не можешь отказаться.

— Не могу, — согласился он. — Но я не хочу оставлять тебя одну.

Эти слова прозвучали почти неловко, будто её муж не привык говорить такие вещи. И в самом деле, они почти не говорили о чувствах. У них не было для этого времени. Были дела, долги, заботы о поместье. Но сейчас, когда он стоял перед ней в доспехах и с мечом на поясе, Алиенора поняла, что он действительно не хотел уезжать, просто у Раймона не было выбора.

— Бернар останется с тобой, — продолжил Раймон. — Он знает замок лучше меня. Если что-то случится, слушай его. Он не даст тебя в обиду.

Алиенора хотела сказать что-то горькое, что-то вроде «а если они придут сюда, что сделает Бернар с десятком слуг против армии?», но сдержалась. Раймон и так знал это. Он знал, что оставляет её почти беззащитной.

— Сколько у тебя людей? — спросила его жена вместо этого.

— Пять всадников, — ответил Раймон. — И ещё десять пеших. Все, кого я смог собрать. Мы присоединимся к войску моего сюзерена через три дня.

— Обещаешь вернуться? — спросила она. — Ты же вернёшься, Раймон?

Рыцарь посмотрел на неё с удивлением, будто впервые увидел. И в этом взгляде мелькнуло что-то вроде уважения.

— Вернусь, — ответил он. — Только держи дом.

Он протянул руку и коснулся её плеча. Этот жест был скорее братским, чем супружеским. Алиенора не отстранилась. Она стояла прямо, глядя ему в глаза, и только когда он развернулся и пошёл к лошадям, позволила себе выдохнуть.

Раймон направился к конюшне проверить, как готовят его боевого коня. Каждый раз перед походом он делал это сам, потому что не доверял никому. Лошадь была единственным живым существом, которое не спрашивало, зачем он идёт на войну.

Он вошёл в сумрак конюшни и остановился. Рядом с его жеребцом стоял парень — светловолосый, с волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, и лёгкой щетиной на скулах, которая делала его старше своих лет. Парень что-то говорил коню, гладил его по морде, и Раймон с удивлением заметил, что жеребец, который обычно не подпускал к себе чужих, стоял смиренно и даже тёрся головой о плечо парня.

— Ты кто? — спросил Раймон, и голос его прозвучал жёстче, чем он хотел.

Парень обернулся. В его глазах не было испуга.

— Анри, мессир, — он ухмыльнулся. — Я привёз лошадей из вашей южной конюшни. Мой отец, он... то есть приёмный отец заболел. Он попросил меня пригнать их вместо него.

Анри было шестнадцать. По нынешним временам — уже не мальчик, а взрослый мужчина, годный к работе и к войне. Но в нём не было ни серьёзности, ни покорности, которые ждали от взрослых. Он вовсе не помнил своих отца и матери. Его подобрала крестьянская семья, глава которой был главным конюхом в соседнем поместье. Анри не был хорош ни с мечом, ни в кузнечном деле, ни в чём-то таком, что считалось «настоящей мужской работой». Зато он умел красиво говорить и не стремился угождать старшим. В нём было что-то, что заставляло людей к нему прислушиваться. Может быть, это был его взгляд — твёрдый, уверенный, будто он знал что-то, чего не знали другие. Или его телосложение — крепкое, собранное, будто он всегда готов к рывку.

— И ты пригнал лошадей один? — удивился Раймон.

— Да, мессир. Я с ними с детства. Они меня слушаются. — Анри потрепал лошадь за гриву.

Раймон подошёл ближе и внимательно посмотрел на парня. В его лице было что-то знакомое — что-то, что он не мог объяснить. Может быть, линия скул. Или прямой и откры-

тый взгляд без той льстивой покорности, которую Раймон привык видеть у слуг.

— Лошади не понимают человеческих слов, — заметил Раймон, хотя в его голосе не было насмешки, скорее любопытство.

— Может быть, — пожал плечами Анри. — Но они понимают, когда к ним относятся как к друзьям, а не как к вещам.

Раймон помолчал, разглядывая парня. Что-то было в этом светловолосом мальчишке. Что-то, что не вписывалось в его положение. Раймон знал, что он мог бы просто прогнать его, сказать «иди работай». Но вместо этого он спросил:

— Ты умеешь держать меч?

Анри слегка смутился.

— Нет, мессир.

Раймон ничего не ответил. Он развернулся и направился к выходу из конюшни, оставляя Анри в недоумении.

Но когда рыцарь уже почти дошёл до ворот, он остановился и обернулся. Взгляд его упал на Анри, который всё ещё стоял рядом с жеребцом. Что-то в этом парне царапало память. Какой-то давний образ, ускользающий, нечёткий.

Раймон покачал головой и пошёл дальше. Война не оставляла времени на загадки.

Двор гудел, как растревоженный улей. Лошади били копытами о землю, всадники проверяли подпруги, кто-то кричал, отдавая последние распоряжения. Раймон уже сидел в седле, высокий и прямой, но Алиенора видела, как тяжело

ему даётся эта прямоть. Он не жаловался. Он никогда не жаловался.

Она стояла на балконе донжона, вцепившись пальцами в каменные перила. Ветер трепал её волосы, выбившиеся из-под вуали, и она не поправляла их. Платье облегалo её фигуру так, что каждое движение открывало линии, которые она привыкла прятать под тяжёлыми тканями. Высокая грудь, тонкая талия, крутые бёдра. Её кожа была такой белоснежной, что казалась почти прозрачной на фоне серых камней, и на ней особенно ярко выделялись тёмные глаза и алые губы. Алиенора знала, что выглядит не как скромная жена, а как женщина, которую мужчины провожают взглядами. И сегодня она не хотела быть скромной. Она хотела, чтобы Раймон запомнил её такой.

Её муж поднял голову и посмотрел на неё. Один миг, в котором было всё: и прощание, и страх, и обещание вернуться. Он не улыбнулся. Он коротко кивнул и тронул коня.

За ним потянулись его люди, и они двинулись к воротам. Копыта цокали по камням, ржали лошади, кто-то перекликался. И когда последний солдат растворился за воротами, шум затих.

И тогда Алиенора увидела его.

Молодой светловолосый парень стоял у конюшни, прильнув плечом к дверному косяку. Она смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он был так далеко, но она видела каждую черту его лица — линию скул, твёрдый под-

бородок, глаза, которые посмотрели на неё так, будто видели её насквозь.

Их глаза встретились.

Это был удар. Тупой, резкий, как от внезапного падения. Алиенора почувствовала, как по телу пробежал ток от пальцев ног до самой макушки. Во взгляде юноши не было покорности, которая отражалась в глазах слуг. Она видела его впервые. Но в этот миг ей показалось, что она знала его всегда. Сердце забилося где-то в горле. Щёки горели огнём. Белоснежная кожа на её груди порозовела, и она знала, что он видит это даже отсюда. Она ненавидела себя за это, но не могла отвести глаз.

Парень всё так и смотрел на неё во все глаза, в его взгляде отражался загадочный интерес и сожаление. Между ними пропасть, которую невозможно перепрыгнуть. Она была госпожой. Он был простолюдином.

Алиенора не могла пошевелиться. Она только смотрела, как ветер играет с его светлыми волосами, как тени от облаков скользят по его лицу, как он стоит там, внизу, и не отводит глаз.

Элизабет кашлянула за её спиной.

— Госпожа, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Ветер холодный. Может быть, вам стоит вернуться в комнату?

Алиенора вздрогнула, как от пощёчины. Она резко повернулась. Горничная всё видела. Этот момент, который длился слишком долго, чтобы быть случайным.

Элизабет опустила глаза.

— Я принесу вам горячего вина, госпожа, — сказала она и, не дожидаясь ответа, скользнула в дверь.

Алиенора осталась одна. Она снова посмотрела вниз, но симпатичного незнакомца уже не было. Он исчез в тени конюшни, и только его светлые волосы мелькнули в проёме двери, прежде чем тьма поглотила его. Она громко выдохнула, как будто всё это время не дышала.

Внизу Бернар отдавал последние распоряжения слугам. Замок затихал, погружаясь в ту самую тишину, которая была опаснее любого шума. Раймон уехал. Война только началась.

Алиенора закрыла глаза и прошептала:

— Раймон, возвращайся скорее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.